

Михаил Ромм

Мир как голограмма
или
программа всеобщего уничтожения
(повесть в стихах)

Часть 1

Мой дядя самых честных правил...

А.С. Пушкин

1.

Он умер вдруг, но смерть его была
Неотвратимой, медленной и страшной:
Болезнь его, как будто бы жила,
Своею жизнью мертвою текла,
Как затяжной прыжок над голой пашней.
В больнице утром поплыла стена.
Он зубы сжал, и палец прикусил
С холодной «мандаринкой». Жена
Заплакала. Полет окончен был.
Пришел медбрат и простыней закрыл;
Двор проступал за сумраком окна.

2.

Январь растаял. В том году зима
Упорно не желала быть зимой,
И грязь сводила дворников с ума.
Однако, было чисто под Москвой
В день похорон. Погода разгулялась.
Остался крематорий за спиной,
Но вечеру печаль не полагалась:
Бежало солнце между резких веток.
На поворотах тонко пел мотор
Автобуса. Похожи на креветок,
Два облака рассеивали взор,
Молчащих этой траурной кареты.

3.

В салоне неуютно и неловко
Как сигаретный дым плыла печаль.
Вот начались поля без остановки,
Беседа натыкалась на веревку
Повешенного и смолкала. Даль

И взгляд влекла, и длилась и томила,
И на ресницах повисала сном;
Жизнь продолжалась с неуёмной силой,
Переживать не в силах ни о чём...
Но умер он и мучило теперь,
Что видима невидимая дверь.

4.

Невидимая дверь не заперта,
Как рот распахнутый улыбкой странной.
Перед тобой зияет чернота,
Где слышен звук фальшивого органа
И этой процедуры простота
И гул огня далекий, неустанный...
Сквозь время проведенная черта...
Как сон дурной, что до рассвета гложет
И наяву преследует опять,
Тебя воспоминание тревожит
Но к счастью мы умеем забывать
И эту дверь как будто закрывать.

5.

Чудесно жить в сияющем, огромном,
Абсурдном мире, полном красоты;
Жить гением и нытиком бездомным,
Преступником и жертвой глухоты,
Жить дураком, бездарностью и жмотом.
Порою, соблазняясь без причины
Самоубийства тщетною мечтой.
Развратничать и злиться до икоты,
Заболевать то гриппом, то ангиной,
Чтоб грязной и забывчивой зимой,
Вдруг умереть от скисшего компота,
И этим сильно поразить кого-то.

6.

Цвет гроба. Музыка. Цветы. Автобус.
Где хоронить, и куплен ли венок?
Блины, салями, как у прочих чтобы...
Как будто бы ему не все равно!
Но в день один вмещаются все зимы,
И все шумы в чуть слышный снега скрип.

Сменяется картинок пантомима:
Метро, деревья, улицы изгиб;
Укутываясь в ночь неувовимо,
Снег посинел, и под случайным взглядом,
Ожил слепой фонарь, стоящий рядом.

7.

И вслед за ним по улице, по всей,
Затеплились и нехотя зажглись...
Так встретил, возвращаясь Алексей:
Привычный свет, привычных фонарей,
И площади заснеженную жизнь.
В сугробе, задевая край куста,
Прожектор освещает дом культуры,
С избытком колоннады и скульптуры,
И был бы вовсе храм, но без креста.
Да небо, вознесенное над ним,
Невольно его делает смешным.

8.

А между тем был день, был день,
Огромный класс художественной школы,
Где сладко спит на гипсах светотень;
И первый шаг на первую ступень
По лестнице испуганно-веселый.
Окно открыто, тихий голос чей-то,
Какой-то умной книги пересказ,
И с птичьим пересвистом, прямо в класс
Арпеджио разучивает флейта,
И на рисунках замирает свет,
И подоконник солнышком согрет.

9.

Да, умер, но еще как будто близко,
Как будто где-то рядом... Бедный дядя...
Был день. Они стояли перед списком
Зачисленных, ища, тревожно глядя...
Почти отец... И проверял тетради...
И Пикассо не понял. Что ж? Фрагмент?
Обычного существования малость,
Одна из миллионов кинолент,
Которая лишь в памяти осталась?
И память гаснет. Грустно пьют абсент
«Любители абсента». Эка жалость!

10.

А в памяти война. И стук колес,
И ужас радио, и, безпризорный ветер,
Что нес в Москву, и соль голодных слез...
Мальчишка одногодков перерос,
И уважения добился этим.
Раскромсанный суетящийся вокзальчик,
Где выбор направлений безразличен.
Тут, чтоб не воровать, еврейский мальчик
Делил по справедливости добычу.
Все улеглось. Жизнь в колею вступила...
Молчишь о чём-то, но ведь это было...

11.

Но я о школе начал говорить.
Теперь, когда до взрослого я вырос,
Я мог бы, как и многое, забыть
То место, где моей дороги нить
И Алексея воедино слились.
Куда ходили мы по вечерам,
В неделю по три раза, рисовать,
Но слишком счастлив, видно, был я там,
И на моей душе лежит печать
Тех давних разговоров и веселья,
И бесконечно я обязан сам
Бумаге, умерщвленной акварелью.

12.

Воспоминания мои — как пыль,
Сверкающая в солнечном луче...
Рембрандт, библиотека, и не ты ль
Автопортрет рисуешь при свече?
Нескладный май, цепляясь за углы,
Идет по комнате и бредит о Платоне,
И говорить торопится — услышь...
Взмахнёт рукой и что-нибудь уронит.
И кажется, что он один из нас,
Ворвался сквозь окно, чтоб тоже спорить.
Он гений и, наверно, этот час,
С действительностью нас хотел поспорить.

13.

А к вечеру прозрачная луна,
 Как ломтик сыра тоненький и ломкий
 Была значенья тайного полна,
 Когда ты шел по тротуара кромке,
 Цветение вдыхая — юный бог...
 В те дни... «В те дни, когда в садах лица
 Я беззаботно процветал...» и мог,
 «Для выяснения личности», скорее,
 Чем кто-нибудь, в милицию попасть.
 И был я не умнее Алексея,
 И думал, улыбаясь — «Сам я власть.»

14.

Над головою звёздные булавки,
 С усилием прокалывали твердь,
 Он, наконец, опомнился. На лавке,
 Должно быть, стало холодно сидеть.
 Трамвай прозвякал мимо, в нём, как рыбки
 В светящемся аквариуме, люди...
 И вдруг, прорезав небо слабой грудью,
 Причислив себя к звёздам по ошибке,
 Скатился метеор по сини липкой.
 Невозмутим, мерцает звезд узор,
 И думаешь: «Упал ли метеор?»

15.

В Измайлово, у книжного есть дом
 Между аптекой и комиссионкой.
 Вполне возможно, скучно будет в нём
 В Москву Булгакова и Пушкина влюблённым.
 Его «хрущевским» метко назовет
 Несклонный к сантиментам человек.
 А я сказал бы — это звездолёт
 Из кирпича, что погребен на век,
 Зимой нездешней меж актиний голых
 Во льду инопланетного атолла.
 Казался он необитаем днём,
 Но к ночи загорались окна в нём.

16.

Живой компьютер, в память астронавта
 Погибшего, считал веками дни,

Стараясь продержаться лишь до завтра
 И продержать сигнальные огни.
 На лестничной площадке зажигали
 Все лампы, кроме лопнувших уже:
 Жильцы их неохотно заменяли,
 Увы, ведь человек не идеален.
 Жил Алексей на пятом этаже
 Вышеописанного мною зданья:
 Антенны, облака и ожиданья.

17.

Порой он представлял себе, что в башне
 Немыслимой какой-то высоты,
 По лестнице день этот и вчерашний
 Он поднимается и выйдет у черты,
 Где так высоко, что... так, что... так... или
 Он представлял: у двери наверху
 Вдруг нечто необычное случится...
 А там мальчишки на стене чертили
 Или, нахохлившись, клевал труху
 Наполеоно-цезарь — голубица,
 Косящий взглядом злым. Так Алексей
 Лишь до квартиры доходил своей.

18.

Вот входит он, как образ в подсознание,
 На 20 метров комнаты (плюс кухня).
 Повсюду книги, даже на диване.
 Где мозг студента регулярно пухнет
 Над знанием в преддверии зачёта,
 Запихивая из последних сил
 В себя всё то, что знал да подзабыл,
 Чтоб навсегда забыть с пол-оборота.
 Пробулькивает санузел совмещённый,
 Закашляется, протекая кран.
 Протянешь руку к тьме развоплощенной,
 И щелкнет выключателя капкан.

19.

Чуть позже, как обычно сядет он
 За стол, давно не видевший порядка,
 И в голове пройдет заморожен,
 Необычайно сложный строй колонн...
 Неясный новый мир, играя в прятки

С реальностью, возникнув, растворится,
И переплавится в изгибы плеч,
И будет душу собственную влечь
Египетская древняя царица.
Прозрачна алебастровая речь,
Воображаемая, заструится.

20.

И очерк её чуть открытых губ,
В сознания сферическом экране,
Так близок будет и далёк и странен,
Как мощная пугающая глубь,
Живущая в умолкнувшем органе,
Живущая, уколет как упрек.
И к горлу вдруг подкатится комок,
Та женщина — и сердце вновь заняло.
Мечта навязчива. Постыдный срок
Невинности... Боль хлынет с новой силой
И кинет, точно в пропасть головой.

21.

А в пропасти свирепствует капель
Центрально-отопительной системы.
И сколько не кричи: «Любовь — поэма!»,
А слышится опять: «Любовь — постель!».
Представьте молодого человека,
Который себе пары не нашел:
Его томит несовершенство века.
На что не взглянет — то нехорошо.
И тут в том доме, где внизу аптека.
В окне напротив грянет рок-н-ролл.
Звук будет биться, наг и беспечен.
И как-то заниматься станет нечем.

22.

Он подойдет к балконному стеклу,
Нагнется, прислонясь горячим лбом,
И долго будет, напрягая слух,
Улавливать веселье за окном.
И вдруг ему захочется рыдать,
От ясного сознания пропажи,
И явной безысходности пути.
Разденется и в лунную кровать

На простыне холодной ляжет.
Каникулы. И завтра не идти...

23.

Луна в окно таращится рябая.
Проходит час, за ним идет другой.
Сон не приходит, словно избегая,
Тебя коснутся, ласковой рукой.
Всё реже блики мертвенного света
От проезжающих внизу машин,
На потолок кидают тень предметов.
Сон не приходит. Ты лежишь один,
Ворочаешься в душном одеяле,
И дом не спит, какой же шумный он,
Как будто ты улёгся на вокзале.
Стучат секунды, как набатный звон.
А мой герой заснул и видит сон:

24.

Они прошли нависшим коридором,
потом под аркой и открылся двор
Без солнца, где в резиновом просторе
Растягивались, непокорны взору,
Беседка старая. Изломанный забор.
Песочница, облезлые качели,
Вдали, давящий на глаза, тупик.
Не в фокусе... вот блекнувшая зелень,
За ней подъезда онемевший крик,
Открытого. Ты здесь, как будто лишний...
И резко: огонек, незрелой вишни.

25.

Так пристально. А по двору туман
Волной плывет невнятный запах мяты,
Где человек и девушка-тюльпан
Остекленело смотрят в сумрак смятый
И начинают головой качать,
И в такт плащей качаются заплаты,
И волосы и вот их не узнать.
Они зовут, зовут: за нами следом,
В ту лаву-синеву за нами вслед,
Укутайся туманом, точно пледом,
И отодвинь пугающий рассвет.

26.

Ты, дымный аромат, нас укрывающий,
 Шуршанье в пальцах горьких сигарет,
 Продлите час несбывшихся бесед,
 Продлись прекрасный бред испепеляющий.
 Нет Жизни лучше Смерти, право нет:
 «Ри сикто тали, тали торотрон,
 Сольёмся в остров поцелуйных даль...»
 Так с поцелуем проникает стон,
 Шершавый сон — просыпанный миндаль.
 «Ка афри нико, тело локостран.»
 Твой ласков спутник. Спутник твой — обман.

27.

Так не видать, не знать того края ж,
 Где солнце, одуревшее, горит,
 Не зная, что погасло... Ты взлетаешь.
 «Эл-восемнадцать» — произносит гид.
 Слова его — багряные шары.
 Потрогать можно, но искрят, взрываясь,
 И снова, в поцелуи, превращаясь.
 «Гбо, гобелены — лесные игры,
 Игры просветные спеша с дерев,
 На луги выключаемые сев».

28.

Теряет смысл пылинками жара,
 Теряет снегом крылышки Эрот,
 В пустынной комнате ослепшая сестра,
 Украденную песенку поёт.
 Мелькает жутко спрайтами игра,
 Мелькает обезумевший дисплей,
 Мелькают на панели огоньки.
 Как будто в фильме подает гора,
 Машины, небоскрёбы, и Злодей
 Сидит на монстре, весел и свободен.
 Встают два Солнца. День грядёт Господень.

Часть вторая

*Ничего, что потерянные все друзья мои,
 Я и сам потерянный — себе собственный друг.*

А.Карамазов

1.

Нежданная, обещанная полночь,
 Будильник вздрогнул, новый день начав.
 И я опять зову тебя на помощь,
 Мой грустный Пушкин — сказочный жираф.
 Хочу тебе я в слабости признаться:
 В моей стране я больше не король.
 Любимый научи меня смеяться,
 Как ты умел смеяться слову «боль».
 Смеяться, что слепого промежутка
 Мой голос между нами не пройдёт.
 Нет, посиди со мной... Однако, жутко,
 Что это тоже кто-нибудь прочтёт.

2.

Письмо в не распечатанном конверте,
 И не сгорит, но будет долго тлеть.
 А жажда эфемерного бессмертья —
 Лишь вместо смерти — чтоб не умереть.
 Ведь здесь одна неискренность постыдна,
 Письмо она одна влечёт в огонь.
 Не слышен крик, а слабость рифмы видно,
 И рана обнаженная — не броня.
 От страшных слов так устает душа,
 Эх господа, кто купит эти строки,
 Когда, в них, в общем, нету ни шиша.
 Куда уж мне на суд экспертов строгих!

3.

Дверь №20. Коридор за ней,
 И втягивающий разворот стола,
 Мы в комнате, где несколько гостей.
 Всё прочее в тени. В руках друзей
 Интимное мерцание стекла.
 В кругу тарелок теплится свеча.
 В тарелках колбаса, а также сыр,

А также пепел, рядом с ним врача,
Почти врача, не то чтобы мундир,
Скорее свитер, в свитере — рука,
К руке приделан врач, ну всё пока.

4.

Э, нет, не всё. В руке есть рюмка, там,
Как будто святятся еще остатки рома.
Так получилось.... Повезет и нам!
Разлить "Gavapa Club" по стаканам.
Ну вот, пора представить незнакомых.
Вот полуврач, что так похож на цаплю:
Мгновение назад, он созерцал,
Как алкоголя медленная капля
Течёт на дно в его почти бокал.
Хотя он занял место не своё,
Здесь девушка, он влез вперёд неё.

5.

Евгения. Созвучия близки...,
Онегина мы тут припоминаем:
Качаются тихонько васильки,
Коляска по дороге проезжает.
К чему? Зачем? Бессмысленность и плесень!
Деревня, город.... И скучает все.
А нынче, хоть бы чем, он был полезен:
Мороженым на площади торгует.
Сплин вызывают продавца движенья.
Евгения. Её все звали Женя.

6.

Евгения, покинув институт,
Мороженым в киоске торговала,
И по ночам на помеле летала.
(Но то ли тайно, то ли слухи врут.)
Ещё она прекрасно рисовала.
А в комнате её любая вещь
Была — «в себе», и тайною смущала,
Как будто в двух мирах существовала,
В соседний мир стремясь тебя увлечь.
Лишь красочный журнал американский.
Лежал и просто был Американский

7.

Пародия! — воскликнет тут читатель —
А может даже хуже — плагиат!
Зачем морочит голову создатель,
Тем, что уже мы слышали сто крат.
Онегина трепали легионы...
О, графоманы, вас мерзее нет
Забит литературный Интернет
Замусоренный и запыленный.
Воняют слов их мертвые тела —
И вот — литература умерла.
Я улыбнусь горячности его.
Да кто он мне? Плевал я на него.

8.

Не для него пишу я эти строки,
Пускай же дуется литературный сноб.
А я ж в преддверье холодов жестоких,
Как косолапый зверь ищу сугроб.
Забившийся в норе пятиэтажки,
Не слышу ошалевшую страну,
Чтоб нарушать на клетчатой бумажке
Души своей слепую тишину.
А то, что тиражами я зардеюсь,
Как флагами, в учебники войдя
С клеймом литературного вождя,
На это очень мало я надеюсь.

9.

Не для того я рифмы собираю,
Смирившись с их банальностью давно!
А для чего? Да, я и сам не знаю.
И всё ж пишу, хоть это и смешно.
Ну, может где-то есть душа родная —
Ты, мой далёкий, мой далёкий друг,
Когда-нибудь, свой шкаф перебирая,
Наткнёшься на мою поэму вдруг,
Которую издам я за свой счёт.
Она тебя, быть может, развлечёт,
А может быть, прольёшь ты пару слез
Над сборником моих нелепых грёз.

10.

Так плачу иногда над книгой друга,
Иль классика, немного перебрав.
Смеётся надо мной моя супруга:
Ну, ты сентиментален, как удав.
А за окошком то весна, то вьюга,
И наша жизнь — разболтанный состав,
Летит стремглав по рельсам проржавелым,
И где-то ждёт, с базукою упав,
Наш поезд моджахед остервенелый.
Вернёмся же к истории моей —
Вот юность вспоминает Алексей:

11.

Куда идут? Куда они идут?
И улыбаются и затихают.
Подъём наверх. Спиральных лестниц жгут
Кружится. Чёрный ход необитаем.
Здесь дом — не дом, а призрак за спиной.
О, архитектор хитрый! Будто жив ты,
Как объяснение в любви слепой
В прозрачной шахте бродит тело лифта.
Каприз пространства — этот лишний слой,
Но он сейчас так ясно виден тут...
Куда идут они? Зачем они идут?

12.

Зачем выдумывают; и волшебный сад
Зима со скрипом на стекле выводит.
Всё по парадным — три часа подряд.
Они друг другу что-то говорят.
Ну, Алексей завидовал ей вроде —
Она загадочна, она — талант,
И всё смеётся, всё она смеётся!
Бликующий базальтовый атлант,
Окаменев, в парадном остаётся
С таким же братом в темноте угрюмой —
Два сторожа секретного колодца —
Таковыми архитектор их задумал.

13.

На набережную из подъезда вышли,
Весною пахло в воздухе морозном,

А небо лиловело и над крышей,
На этот раз, не высыпали звёзды
Галактики, сверкающей величием,
Сверкающей над жизнью их минутной.
Он что-то говорил наречьем птичьим,
И самому ему понятным смутно.
Вот так дошли до Крымского моста,
А жизнь минутная всё продолжалась,
Евгения — теперь она не та,
Что над тобой так весело смеялась.

14.

Событий разрушающая лопасть
Уничтожает даже счет потерь,
Но всё звучит, где оборвалась пропасть:
«Я никого не люблю теперь».
И Алексей узнал ее секрет,
Он был ему доверчиво открыт:
Она влюбилась, но любви предмет
(Ему 15, ей — 13 лет)
К несчастью, неприступен, как гранит,
Он тоже здесь, его старинный друг,
Олег, вообще был чужд любовных мук.

15.

И блеск воды в луч солнечный играющий,
Сводящие с ума сцепленья слов,
Движенья невесомых облаков —
Казалось, всё понять он был готов.
В разреженном холодном мире формул,
Он мог дышать свободно, не шалея,
Как бы ключом гармонии владея.
Такую это всё имело форму.
Но математиком Олег не стал —
Он музыку всему предпочитал.

16.

Средневековью душу отдавая,
Упрямо презирал тяжелый рок,
И легкий рок с ним вместе презирая
Попсу терпеть, конечно же, не мог.
Но как бы не был он во вкусах строг,
Сейчас легко деленьями мерцая,
Крутил мелодии магнитофон,

Олег молчал, неторопливо пил,
А ведь недавно он бы в спор вступил —
Магнитофон для Жени был включён.
На споры не хотелось тратить сил.

17.

“...Michel, my bell...” Таинственно и нежно,
Не надо больше думать ни о чём,
Пусть музыка струится безмятежно,
Затягивает в свой поток безбрежный
Укутывает всё своим плащом.
А ты сидишь, раскинувшись небрежно,
В удобном кресле, и в руке бокал,
В уютной этой полутьме крошечной,
Ты растворяешь всё, о чём мечтал.
Цветок в твоём сознании расцветает,
Что ты хотел сказать? И так все знают.

18.

У нас ведь тоже музыка слышна,
А раньше-то, сойдясь на кухне тесной,
Мы спорили об истине чудесной,
Которая всем, в общем-то, ясна,
Непостижима и не интересна.
Переходил границы это спор,
И общее в нём сталкивалось с частным,
Никто не оставался безучастным,
И возбуждение рождало вздор,
Который говорить небезопасно:
Порой смешок над шуткою убогой,
Заканчивается длинною дорогой.

19.

Хоть времена теперь не те, конечно же,
Но если сходишься с людьми легко,
Пожив в эпоху Леонида Брежнева,
На воду станешь дуть и молоко.
И долгими давящими ночами,
Научишься в уме перебирать:
Со сколькими сегодня стукачами
Имел ты счастье мило поболтать;
И думать, кто из добрых и ребячливых,
С кем маршируешь ты в одном строю,
Вопьется вдруг зубами вурдалачьими

В артерию манящую твою.
Устанешь на вопрос себя нанизывать,
А сам ты что ответишь, когда вызовут.

20.

Мы спорили. Тогда мы пили меньше,
Или, из принципа, совсем не пили,
И в девочках не видели мы женщин,
И, кажется, мы веселее были.
Но с возрастом не только боль в затылке —
Хорошего прибавилось не мало.
Когда, к примеру, тронуты бутылки,
И уж тепло по телу пробежало,
Вот сделан первый радостный глоток,
И ароматный колбасы кусок
Уже жуётся с диким наслаждением.
Бесспорно — превосходное мгновенье!

21.

Бесспорно, ты пока нечем не занят,
Но не скучаешь, а сидишь, как сел.
И жизнь не затянувшийся экзамен,
В котором не особенно успел.
И кажется, на собственную шалость
Пришёл взглянуть ты в стереокино.
Так вечеринка славно продолжалась.
Ром кончился уже, но оставалось
Какое-то дешёвое вино.
Дешёвое вино — мечта студента.
Конечно, до какого-то момента.

22.

Шло время. Связь терялась. Свет тушили.
И вечер вышел, дверь не затворив.
На улице, как будто их душили,
Неотвратимо гасли фонари.
Тьма заглянула к ним огромной рыбой,
Готовая вот-вот отпрянуть прочь,
И каменные города изгибы
Собою затопила ночь.
Ложатся спать. Вот Алексей, сквозь сон,
Увидел: это врач подходит к Жене.
А потолок плывет, плывет: «Пижон»,
Подумал, и заснул без сновидений.

23.

Спит Алексей и вовсе ни к чему,
 Чтоб знал он, что сейчас произойдет.
 И кажется я знаю почему,
 Она опять герою моему
 Другого ухажёра предпочтёт.
 С фигуркой хрупкой, челкою смешной
 Юна и независима настолько,
 Разденется, и я замечу только:
 Под свитером одежды никакой.
 Слетает свитер в несколько движений —
 Она боится сложных отношений.

24.

И в самом деле, если страсти нет,
 И нет любви до умопомрачения,
 Разумней уступить во цвете лет,
 Минутному порыву увлечения,
 Чем эти реки жалобных угроз,
 Рефлексия, картинные мученья,
 Его тирады, и потоки слёз.
 Какое это, к чёрту, развлечение?
 Хоть был бы он красив, как Аполлон,
 Или умом блестящим наделен.
 И даже, если думаешь о муже,
 Конечно, понадежней кто-то нужен.

25.

И я, и я, как бедный Алексей,
 В той школе на Кропоткинской влюбился,
 Но я не смел, тогда, ходить за ней,
 А всё глядел и издали «тащился».
 Ах, сколько их разбивших сердце мне,
 Таких прекрасных, нежных, словно змеи
 Что сердце это можно бы вполне,
 Как артефакт показывать в музее.
 Я так его и вижу при луне —
 Все в трещинах. Так долго я страдал,
 Пока жену свою не повстречал.

26.

.....

27.

«Весь улей-город — улицы и зданья,
 И каждый человеческий организм,
 Имеет назначение и призвание —
 Часть аппарата мёдособиранья,
 Отлаженный, надёжный механизм.
 Летят в открытом космосе заводы,
 И даже там они находят мёд,
 А ты от пчёл свободен, ты — урод.
 О, как воздушный шар внутри свобода.
 Здесь на песке забыл тебя отлив,
 Но мёд опасен — он рождает взрыв.

28.

Приятно знать, что исключён из списка,
 Приятно знать, что далеко волна.
 Сама собой идет вперёд страна,
 А ты жуешь ничейную сосиску.
 Но это ведь иллюзия одна!
 Строй не нарушить, сделав шаг из строя » —
 (Бутылки громко сделали динь-динь)
 Так думал Алексей, с авоськой стоя,
 Покуда не открылся магазин.
 Так следующее утро началось,
 А дальше как обвалом сорвалось.

29.

День скомкан и несвеж. День этот длинный
 Припомнится: он к Жене приставал,
 И, двинут ею в челюсть, осознал,
 Себя не то звездой, не то скотиной.
 В магнитофоне переставил ленту,
 Потом побрёл на кухню горевать.
 Олег, напившись к этому моменту,
 Пришёл туда, чтобы его унять,
 Но начал просто «Фантой» поливать.
 Оранжевая струйка, пузырьясь,
 За шиворот со смехом забралась.

30.

Пришла Евгения и вдруг поцеловала,
 Поцеловала.... Так. Бутылка водки.
 Ещё шаги до тёмного провала,

И время смялось, час сменил походку.
 Явились позже два цветастых друга,
 Которых, видимо, никто не знал,
 Но Алексей уже ушёл из круга
 Гостей, и скис, или упал.
 Потом его рвало ничем почти,
 Он воду пил и скрючивался снова,
 И в паузах твердил четыре слова:
 «О Господи, прости меня! Прости!»

.....

31.

Глаза открыл. Окно просило утра,
 Но ночь как будто с комнатой срослась.
 На кухне свет, но муторно и мутно,
 И в голове мучительная вязь.
 «Вода холодная» — Хотелось пить.
 Покачиваясь, медленно пошёл,
 Тут он задел за стул, потом за стол,
 И ухмыльнулся: «Разве же забыть?
 И разве странно гибели хотеть?
 Сегодня или завтра, кто-нибудь
 Начертит в небе наш последний путь.
 И может быть, нам лучше умереть.

32.

Нет, гибели хотеть совсем не странно,
 Добро, гуманность — суетные сны,
 В метро в час пик кому они нужны? —
 Мы в людях видеть умных тараканов
 Статистикой обречены».
 Три пьяных паренька из подворотни.
 Неловкий за очками поворот.
 Разжат кулак, ещё от страха потный.
 Щербатый зуб, и крови полон рот.
 Забьёшься в угол для битья удобен,
 Устав, светловолосый отойдёт,
 И внешне будет ангелоподобен.

33.

И тут на потолке белёсый свет,
 Проехавшей машины задержался,
 И выхватил из темноты предмет,
 Картиною который оказался,

Окном, внесённым в дом, окном в котором
 Клубился город, созданный мечтой,
 Там в башне над распахнутым простором,
 Горел огонь, горел маяк живой,
 От спящего пространства неотъемлем.
 И снег пошёл и падал над Москвой,
 Стеной из воздуха, что рушится на землю.

34.

Маяк горит, хоть, вроде бы, все спят
 И огонёк на башне означает,
 Что где-то корабли в ночи парят,
 Вот почему так ночь он оживляет.
 И пусть источник — лампочка на кухне,
 Где на столе излишне крепкий чай,
 И клонит в сон, хоть ты полпачки ухни,
 Хотя бы головой в ответ качай.
 — Не спи, не спи — меня тревожит Зверь!
 Кто это говорит, не видно сразу.
 Таинственный прямоугольник — дверь.
 На освещённой кухне — Карамазов:

35.

«Низаплечник, круглый кукиш самый друг.
 Да признайся, уж не ты ли — Дон Кихот,
 Уж не тот ли Дон Кихот — собой петух,
 Вроде евнуха? Да вроде и не тот.

Мне бы нужную бумажку, или нож —
 Я б сложил тебя в карман, тряпицу, плед.
 Но, однако, ты расцвел и всё цветёшь!
 — Уж цветём, цветём, цветём, —
 Что давно видны на свет».

36.

Откуда Карамазов здесь возник,
 Ведь я его ещё не представлял?
 Такой вот этот Саша озорник,
 Явился вдруг, никто его не ждал,
 Но наш герой всегда ему был рад,
 Ну, Саша гостем был такого рода,
 Что безнадежно ждать его прихода,
 Он сам являлся — часто невпопад.
 Фамилия и имя удивят,

Поверьте, его точно звали так,
Конечно же, он был большой чудак.

37.

И я горжусь, что был я с ним знаком
И думать хочется: что с ним дружил,
Чтобы залить заварку кипятком.
Он и ко мне порою заходил,
Любил он ошарашить завитком,
Каких-нибудь внезапных сочинений,
По этой части был он просто гений,
Когда был трезв, хотя бы и не очень.
Но никогда он не был озабочен,
И завтра не боялся отчего-то,
И пары дней нигде не проработал.

38.

Тут сбился я, тут он мешает мне,
Тону в воспоминаниях, как в шуме,
Ведь года три прошло, как Саша умер.
Теперь мы с ним встречаемся во сне.
Я что-то расписался — вот напасть.
Разочарованные ваши вижу лица —
Пора закачивать вторую часть,
А я всё не могу остановиться.
Ну, прям ребенок, что всю резвится,
От мамы предвкушая нахлобучку,
Но исписал я гелиевую ручку.

Часть 3

*И заведет крещённый миф
На каждой станции трактиф.*

А.С.Пушкин

1.

Да, наши дни поистине, чудные:
Недавно был я просто поражен,
Увидев огоньки со всех сторон,
В вечернем сумраке, зеленые, любые:
Почаще — жёлтые, и изредка — цветные:
У каждого с собою телефон.
Ну, разве не забавная вещица?
И вдруг заметил с виду, продавщицу,
У гаража свой сотовый достав,
Она кому-то делала гав-гав.
Она рыдала, громко матерясь,
Смягчает нравы сотовая связь.

2.

Когда я повесть эту только начал,
Хотел я отступлений избегать,
Читателя хотел привлечь иначе,
Воображенье больше развлекать.
Тогда ещё я думал про печать.
И вот недавно, своему ребёнку
Сюжет попробовал пересказать,
И понял вдруг, что лёд такой тут тонкий,
Что лучше этого не замечать.
Иду себе, по льду, забот не зная,
Ногою глупой в лужи наступаая.

3.

Ведь все исчерпаны сюжеты,
Читатели перевелись.
И все-таки, взгляни при этом
Вновь появляются поэты,
Кипит в литературе жизнь.
Повсюду жарятся сонеты,
Как шашлыки в весенний праздник

У нас в Беляевском лесу.
И я котомку принесу.
Ведь я ничем ни хуже. Разве,
Пожарю только колбасу.

4.

Я костерок свой разжигаю,
На угли дую, бересту крошу.
Одно меня, быть может, извиняет,
Пусть запах шашлыка и опьяняет,
Я все же очень медленно пишу.
Оглянешься — 20-й век забыт,
И будущее прямо на пороге,
Построены трактиры и дороги.
По «сотовому» дворник говорит.
И террорист не прошмыгнёт нигде,
Ведь камеры слежения везде.

5.

Со всеми я покинул век двадцатый,
Оставив позади социализм,
Вошёл как все в эпоху суррогатов,
В Макдоналдс, Интернет и глобализм.
Поэтому засев писать старинный,
Немного стилизованный роман,
Я, вместо хлеба, предлагаю глину,
Разрозненные блёклые картины,
И только сны. Обман, везде обман!
Сюжета здесь на самом деле нет!
Зачем читаете вы этот бред?

6.

Представьте, если б вдруг родился Пушкин
В семье бухгалтера и инженера,
Где денег не хватает на игрушки.
И где подушка — вместо меховушки.
Он, выгнанный в свой час из пионеров,
Как двоечник, отправлен в интернат.
Вот он один, никто ему не рад.
Но это так, конечно, для примера.
Он писался и получал по роже
От пролетарских сверстников своих.
Период трудный наконец-то прожит:
И вот представьте, этот звонкий стих...

Каким он стал бы милые друзья.
Но я не Пушкин, я — всего лишь я.

7.

Гаснет танец стройных телекукол,
Заброшенная стройка — не пустырь.
В глубине с металлическим стуком
Воздвигается призрак-пузырь.
И навален от забора, до забора
Старый мусор, безнадежный хлам,
И смолистых костров разговоры
С хмурым воздухом пополам.
Скрип мачтовых потрепанных креплений,
На сфере мглы, обрызганной дождём,
Мы открываем внутренний объём,
Мы надеваем розовые шлемы,
И втягиваемся в таинство системы.

8.

Припомнив Галилео Галилея,
От цифр до магии пускаясь вспять,
Приятно, этой силою владея,
Дрожание на кнопках ощущать.
Но лучше, лучше, что с тобою кто-то,
От глаз влюблённых до тепла руки.
В стране, в стране беззаботной,
От которой так далеки.
Поэтому корабль — не корабль,
На восемнадцатой планете Эл
Садится наш волшебный дирижабль,
Как будто бы во Внуково он сел.

9.

На нас из кубка медленной луны,
Что на свинцовом небе опрокинут,
Течёт флуоресцентное свечение,
Под нами, точно ветви сплетены,
Мы прыгаем на эту паутину,
Как в мох лесной, смягчающий движенья.
Лиловый ореол горит вдали,
А в вышине над ним сгустилась тьма,
Мы — дети, прилетевшие с Земли,
Мы в новый мир по веточкам пришли,
И город сказочный увидели с холма.

10.

Волшебный город, город наших грёз,
На улицы свои нас принимает.
Взгляни, как он строения вознёс,
И изнутри огнями весь сверкает,
Как гранями громадного алмаза.
Во всём удобство, роскошь и простор.
Не душит шапка ядовитых газов,
И ни к чему закон и светофор.
Повсюду чистота и совершенство,
Сама осуществлённая мечта,
Паноптикум всеобщего блаженства,
Какая неземная красота!

11.

И вдруг ты понимаешь — свет луны,
Рождает здесь искусственный источник,
А солнца нет, и это также точно,
Как то, что ты касаешься стены,
Как то, что ты без спутников остался,
И где-то там, в подвалах, в глубине
Сорвался зверь, через барьер прорвался,
И движется и ищет ход во вне.
И ты бежишь, но избегаешь капсул,
Что открывают двери, шелестя.
Вот слышишь: за спиной зубами клацнул...
Как птицы репродукторы свистят.

12.

Он явится на лестничном проеме,
И вспыхнет, захлебнувшись, хриплый крик.
Сон обрывается на скользком склоне
В ночной палате, в сумасшедшем доме,
И тупо смотрит, высунув язык.
И резь в глазах, как тараканий шорох,
И храп, и след бессвязных разговоров,
Дежурный свет из незакрытых створок,
Нарочно снятых навсегда дверей,
Не двинуться и сам ты — только ворох,
Бессонницей измятых простыней.

13.

Где ферзь ползёт дорогой из квадратов,
Противник снова пропускает ход,
Но черный брат, на белого собрата,
Из клетки выпускает вертолёт.
Он над доской задумчиво парит,
И от своих чужих не отличает,
Неуязвимый, наугад разит,
И этим поединок оживляет.
Апатия охватывает всех,
И где-то на второй горизонтали,
Вдруг ударяет истеричный смех
Будильника. И ты встаёшь нормален.

14.

Ты ежишься и смотришь на окно,
В нём тёмный дома параллелепипед,
Второе с краю только зажжено,
А третье гаснет, значит, чай там выпит.
Тогда и ты на рычажок нажмёшь,
И вспыхнет лампа, выйдя в цепь сигналов,
Твой иероглиф обозначит дрожь
Чужой руки, что тянет одеяло.
И кто-то там поёжится как ты,
Но ощущение близости мгновенно,
Всё поглощает чувство темноты.
Ты телевизор включишь непременно.

15.

И телевизора холодная слеза,
Как глаз «Большого брата» загорится,
Нет, этот глаз не смотрит в наши лица,
Он не следит за нами и не злится —
Он просто заменяет нам глаза.
И в комнате дежурно оживут,
Две гладкие забавные фигурки,
Они чудную песенку поют,
Одеты в леопардовые шкурки.
Они танцуют, попками вертят,
И песенку поют про поросят.

16.

«Мы очень любим наших поросят,
 Но завтра мы отправим их на рынок,
 Конечно, люди купят наших свинок,
 И свинок обязательно съедят.
 Но самый аппетитный — поросенок Гав,
 Мы его себе оставим за веселый нрав.
 Из хрюшек наших сделают котлеты,
 И ветчину, не все ли им равно,
 Поет и пляшет поросенок этот,
 Поэтому он снимется в кино.
 Поет и пляшет поросенок Гав,
 Мы себе его оставим за весёлый нрав.
 Мы любим поросенка,
 Он вертится ужом
 А братья и сестрёнки
 Запляшут под ножом,
 Веселый поросенок, поросёнок Гав,
 Мы его в живых оставим за веселый нрав.»

17.

Пора бежать. Прокладывая след,
 На снег нетронутый ты торопливо ступишь,
 На снег зимы, но белого ведь нет.
 И горло вечным криком ты простудишь.
 Тут в раздевалке дышит тишина.
 Ведь пять минут ещё второй урок.
 Привет тебе, советский педагог,
 Нет, белого на свете цвета нет,
 Достаточно подвинуть освещение...
 Ты — часть системы, ты — ее скелет.
 «Смешенье красок, главное, смешенье!»

18.

Они глядят, внимательно глядят.
 Что ни скажи, навряд ли ты им нужен.
 А песенка про бедных поросят
 Не отстаёт, и проситься наружу.
 По Африке гуляет чудо-слон,
 А в головах гуляет группа «Kiss»,
 Ты им не нужен, жалок и смешон.
 «Сначала, дети, сделаем эскиз.
 Не оставляйте белого листа —

Нет белого, и в этом весь секрет.»
 Не мучай их, ну что ты к ним пристал,
 Ведь наплевать им есть он или нет!

19.

О, жёлтая проклятая зима.
 Нет белизны в прокуренной Москве,
 Ты часть Дракона — тронулся с ума,
 Ты любишь их? Рисунки поразвесь.
 Опять глаза, огромные глаза!
 Стране нужны глазастые машины.
 А у тебя протёрлись тормоза,
 Вот почему кричишь ты без причины.
 Но кажется, что можно что-то сделать,
 Они ведь живы, да — наверняка.
 И, всё равно, на белом, белом, белом —
 Четыре неохотных червяка.

20.

Мадонна Леонардо — «Голый, голый!»
 Но ты ещё пока не изнемог.
 Вот первый визг по коридору школы,
 Бегущий часто топает звонок.
 Опять игра на деньги в туалете,
 Но разгони их — выглядишь смешным.
 В обычной школе, рядовые дети.
 Ты не понятен и не страшен им.
 Как в детстве ты боялся хулиганов!
 Но в списке «трудных» оказался ты.
 Вдруг педсовет, и в двоечнике странном
 Безумия знакомого черты.

21.

— Нехорошо «гулять» недели по три,
 Но на него нисходит вдохновение!
 И твой коллега на тебя посмотрит
 С холодным неподдельным изумленьем.
 Однако. Но неловкость ты загладил.
 Не замечал взросления друзей,
 А сверстники, с которыми не ладил,
 Внезапно выросли в чужих людей.
 Всё длится, длится душный педсовет,
 Рука конверт под партой открывает.

Ты из психушки получил ответ —
Письмо приятеля. Читай. Читает:

22.

«Очкарики по кухонькам сидят,
С тех пор, когда очков еще не знали,
Они решают сотни лет подряд:
Уехать из России, не пора ли.
Достойно ли, оставив упования,
Косые взгляды продолжать терпеть,
Всё вновь и вновь беспомощно смотреть,
Как рушатся благие начинанья.
Тянуть свое бессмысленное бремя,
И родине холодной сострадать?
Ведь поздно будет, когда грянет время,
Им книги прятать, и детей спасать.
И уезжают, больше не вернуться.
Откуда только новые берутся?»

23.

Пока живая стрелка по экрану
Ползет, ползёт к началу «Новостей.»
Попробуй отыскать ты этих странных,
За окнами, где неподвластны ей.
Где незаметен характерный отсвет,
Голубоватый всасывающий маг,
Где ритма нет, режима не выносят,
И где на кухне вечный кавардак.
А что, если уйти из комсомола,
В отшельники, пророки сторожа,
Что если стать, свободным и весёлым,
Всё говорить, как есть, и не дрожать?»

24.

Прочел он, и подумал — вот загвоздка,
Мне боязно, всему виною страх,
И вот хожу я бледный, как извёстках.
Мне боязно «остаться на бобах».
А, может, и не надо быть мне смелым,
Куда меня свобода заведет.
Быть может, просто заниматься делом,
И в школу приходить за годом год,
И снова, снова, голос напрягая,
Пытаться до кричатся до глухих,

В надежде, что душа еще живая,
Случайно затесалась между них.

25.

Ведь если не придешь на эту муку,
Где черти обалдевшие галдят,
Кто ей во тьме тогда протянет руку,
Кто ей тогда поможет без тебя,
Ты вспомни сам, как мучился на свете,
И чувствовал себя для всех чужим,
Покуда ты учителя не встретил,
Который стал Учителем твоим.
Но вот ты с педсовета воротился,
Неся с собой красивые слова,
Но так болит ужасно голова.
Герой упал и снова сном забылся:

26.

Гудит вдали оркестр духовыми,
Рокочет басом дальний барабан.
Рокочет, пульс ударами прямыми,
И снится врач, с руками пристяжными,
Знакомый твой — курчавый шарлатан.
И взгляд его, похожий на цветы,
Печальные, как одинокий парус,
Горящие на преющем болоте.
И вот, сидящий без билета ты,
Забравшийся в полупустой «Икарус»,
Что по маршруту «Эл-земля» уходит.

27.

Зачем же ты отсюда уезжаешь,
Прошу тебя, не надо уезжать,
В стране мечты друзей ты оставляешь,
А сможешь ли увидеть их опять?
И вот они стоят на остановке,
Красивые, как добрая весна,
Ты чувствуешь себя таким неловким.
Прощай же, идеальная страна.
С тобой не возвращается никто,
Ты лишний здесь, как телефонный лом,
Как разговор значкиста ГТО,
В автобусе с мохнатым колдуном.

28.

Но вылезти пока ещё не поздно,
Пока не зажигают светофор,
На что решиться, греется мотор,
Растут цветы, огромные, как звёзды
И нарастает до краев узор,,
И, пробивая сумрак неживой,
Прокрадывается утро под ресницы,
И кажется, глазам пора открыться,
Ах как сияет комната зимой.
Слепящий свет в сознание ворвётся,
И на обоях солнце засмеётся.

29.

Снег так сияет, как уже не раз
Описано у тех, кто это может,
Да так, что холодок бежит по коже,
И мне не переплюнуть их сейчас.
Ну, в общем-то, у каждого бывало,
Такое белое, после бредовой ночи,
Когда светло, и будто всё сначала...
И снова мир достаточен и прочен.
А ты встаёшь и замыслы легки,
Вернулось всё, что ты во сне утратил,
И времени на десять жизней хватит.
И дни судьбы ещё так далеки...